

П.О. Рыкин

**«ЦАРЕВИЧИ» (KÖ'ÜT) И «КНЯЗЬЯ» (NOYAT)
КАК БАЗОВЫЕ КАТЕГОРИИ ПРАВЯЩЕЙ
ЭЛИТЫ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ***

Идея данной публикации возникла в ходе моей работы над статьей о концепции смерти и погребальном обряде средневековых монголов по данным письменных источников, вышедшей в сборнике «От бытия к инобытию» [Рыкин 2010]. В этой статье на основании анализа всех известных на сегодняшний день средневековых описаний монгольского погребального обряда я пришел к выводу о том, что тексты отчетливо отображают дифференциацию его конкретных форм у монголов XIII–XIV вв. в зависимости от различий статусов умерших в политической иерархии Монгольской империи. Согласно источникам, особый тип погребального обряда был характерен для погребений монгольских ка'анов («императоров»); кроме того, описываются различия в формах обрядности между погребениями двух категорий знати («более важных лиц» vs. «меньших чинов» у Плано Карпини; «более важных» vs. «богатых» у Анонима из Бржега). Различия касаются главным образом богатства погребального инвентаря, наличия/отсутствия сопогребений жен, наложниц и рабов, разного количества чучел лошадей на могиле и некоторых других признаков. С целью адекватного объяснения двучленной градации монгольской знати я предложил использовать такие понятия, которые, во-первых, реально функционировали в статусной системе Монгольской империи, а во-вторых, имели терминологическое выражение в монгольском языке той эпохи. На роль такого рода понятий мной были предложены термины 1) «царевичи» (ср.-монг. *kö'üt*, ед. ч. *kö'ün*) — потомки Чингис-хана или его братьев; 2) «князья» (ср.-монг. *noyat*, ед. ч. *noyan*) — знатные лица, не относящиеся к «золотому потомству» основателя империи

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 10-04-00294а «Китайско-монгольский словарь *Дада юй* 韃靼語 'Татарские слова' (начало XVII в.): лингвистический и текстологический анализ»).

[Там же: 260–265]. Упомянув о значимости и операциональности данной статусной дихотомии, я не имел возможности привести в подтверждение своей точки зрения достаточного количества фактических данных. В настоящей работе я постараюсь восполнить этот пробел и проиллюстрировать важность указанных категорий в политической практике Монгольской империи на конкретных примерах из письменных текстов. Кстати говоря, это позволит несколько уточнить объемы названных понятий по сравнению с тем, как они определялись в моей статье в сборнике «От бытия к инобытию».

Источники XIII–XIV вв. на среднемонгольском и доклассическом монгольском языке содержат немало контекстов, в которых термины *kö'üt* ‘царевичи’ и *noyat* ‘князья’¹ используются для обозначения отдельных категорий знати. Так, в *Тайной истории монголов* (далее — ТИМ) оба этих термина встречаются в рассказе о том, как окружение Өгөдэй-ка’ана убедило его снять опалу со своего сына Гүйүка (§ 277). Лица, обратившиеся к ка’ану с этой просьбой, характеризуются следующим образом:

(1) *kö'üd-eče mönggei noyad-ača alčidai qonqortai jangi teri'üten noyat*² ‘от **царевичей** — Мбнгтэй³, от **князей** — Алчидай, Конкортай, Джанги и прочие **князья**’ [ТИМ XII 33a5-b1].

Упоминание обеих основных категорий знати в этом контексте указывает на то, что просьба была высказана от лица имперской элиты в целом.

Эти же две категории знати в тексте ТИМ упоминаются ранее (§ 265) при описании похода Чингис-хана на тангутов в 1226–1227 гг. Когда Чингис-хан во время охоты упал с коня и сильно расшибся, сложившиеся обстоятельства и их влияние на судьбу всего похода обсуждаются на специальном совещании, созванном по инициативе Йисүй-катун. Участниками совещания названы «царевичи» и «князья»:

(2) *kö'üt noyat qura'asu ... ügüleriün* ‘Когда **царевичи** и **князья** собрались... сказали [следующее]’ [ТИМ XII 2a3–4].

Представители знати должны были решить вопрос о дальнейших действиях монгольского войска. И хотя принятое ими решение (временно отступить до излечения Чингис-хана от болезни) не было одобрено смертельно больным монгольским правителем, решившим сначала дожидаться от-

вета от тангутов на предложение о сдаче, роль базовых категорий имперской элиты в принятии важных политических решений предстает очевидной и не подлежащей сомнению.

В так называемой большой Цзюйюньгуаньской надписи на квадратном письме (1345) встречается фраза:

(3) [*k'e·ün*]-*nü·üd noyad bürin sed*[*k'i*]*l nik'edč'ü*: [...] *at'uqay* 'Пусть все **царевичи** и **князья**⁴ пребывают в единомыслии (букв. 'объединив мысли')' [Ph XL 12–13].

Это пожелание также характеризует значимость обеих названных категорий в имперской социальной иерархии, тем более что непосредственно перед ним приводятся благопожелания в адрес правящего ка'ана, императриц (*éši-nü·üd*) и наследника престола (*t'ayjhi*).

Из источников не на монгольском языке важная роль «царевичей» и «князей» (в персидской версии «эмиров») в управлении империей, в частности в периоды междуцарствия, отмечена в *Сборнике летописей* Рашид ад-Дйна, который в силу своего статуса (везир при дворе монгольских ильханов Ирана) имел доступ к разнообразной информации и целому ряду источников по эпохе монгольского владычества. Так, персидский историк отметил любопытный факт организации важной военной экспедиции по решению, принятому на совещании монгольской знати:

(4) А еще до того, как каан (Öгөдэй, 1229–1241. — *П. Р.*) воссел на престол, в том же году свиньи, когда умер Чингиз-хан (1227. — *П. Р.*), **царевичи** и **эмиры**, оставшиеся в ставке Чингиз-хана, устроив совещание, послали племянника Чингиз-хана, Илджидайнойона, и каанова сына Гуюк-хана к границам области Кункан, чтобы ее захватить [РСб II 20].

Подробное описание системы статусных делений монгольской знати приводится у Марко Поло, также хорошо знакомого с устройством Монгольской империи изнутри, в рассказе о пирах Кубилай-ка'ана (1260–1294):

(5) А когда великий Каан устраивает пир в *своей зале* для какого-либо *большого* приема или торжества или празднества, которое он *хочет* устроить, он *сидит* так. Для *начала* стол повелителя *устанавливается перед его трон*ом много выше *всех* других [столов]. Он сидит в *северной части* залы, *плечами к Полярной звезде*, так что его лицо обращено на полдень, а его старшая жена сидит

рядом с ним с левой стороны, а с правой стороны, *но за другим столом*, значительно ниже, сидят **его сыновья** в величественной манере, а *также его внуки, сообразно своим летам, его родичи и другие, кто связан [с ним] по крови, то есть те, кто происходит из императорского рода* (= ср.-монг. *kö'it*. — П. Р.), так низко, говорю я вам, что их головы приходится у ног повелителя. Однако Чинким, его старший сын, сидит несколько выше других сыновей. А затем, еще ниже, [за] другими столами, сидят **прочие бароны и князья** (= ср.-монг. *poyat*. — П. Р.) и другие люди, сообразно их достоинству, положению и возрасту. И так же происходит с женщинами, *то есть у ног старшей королевы находится стол других королей и младших детей великого Каана*; все жены сыновей повелителя, его внуков и родичей сидят на левой стороне, *то есть на стороне императрицы*, также пониже; а далее, еще ниже, сидят все жены баронов и рыцарей. И каждый из них знает свое место, где он должен сидеть *сообразно своему рангу и достоинству на надлежащем месте, предписанном ему по указу повелителя, так что каждый садится на правой стороне, а все их жены — на левой, то есть на стороне императрицы*⁵ [Moule, Pelliot 1938/1: 217–218].

Из этого рассказа ясно видно, что социальное положение представителей знати при дворе монгольского ка'ана устанавливалось по принципу принадлежности/непринадлежности к «императорскому роду», то есть к потомству Чингисхана. Хорошо известно, какую значимую роль в определении статуса индивида в эпоху Монгольской империи играло происхождение (ср.-монг. *hiġa'ur* ~ *hiġawur* ~ *hiġa'ur* ~ *uġawur* ~ *uġaur* ~ *uġi'ur* ~ *uġi:r* ~ *iġawur*, докласс. монг. *uġayur* ~ *uġiyur* ~ *iġayur*⁶), поэтому неудивительно, что оно лежало в основе социальной категоризации знати, определявшей, в частности, иерархию мест на ханских пирах.

В ряде контекстов «царевичи» и «князья» занимают свое место в составе развернутых перечней имперских статусов, в которых иерархическое положение той или иной категории определяется порядком ее появления в перечне. Учитывая это обстоятельство, в нижеследующих примерах я ввожу нумерацию статусов в соответствии с тем, в какой последовательности они приводятся в тексте. Нумерация дается в квадратных скобках. Такого рода нумерация важна хотя бы потому, что само сопоставление подобных перечней способ-

но предоставить ценный материал для изучения системы социальных статусов в Монгольской империи, а также выявить отдельные случаи структурной неоднородности, гибкости и вариативности внутри этой системы.

Так, в ТИМ (§ 270) содержится любопытное распоряжение Өгөдэй-ка'ана касательно состава армий, отправляющихся в Западный поход, откуда можно почерпнуть важные сведения о социальной иерархии знати в ранний период существования империи. В частности, там говорится:

(6) *ede ayalaqun-i* [1.1] *ulus medekün kö'üt kö'üd-ü'en-gü yeke kö'ü ayala'ultuqai* [1.2] *ulus ba ülü medekün kö'üt* [2] *tümed-ün minqad-un ja'ud-un harbad-un noyat olon gü'ün ken ber bö'esü kö'üd-ü'en aqa-yi ayala'ultuqai* [3] *ökit* [4] *güriget mün yosu'ar kö'üd-ü'en-gü aqa-yi ayala'ultuqai* 'Что касается тех, кто отправляется в поход, пусть [1.1] **царевичи, которые управляют** (букв. 'ведают') **людьми**⁷, отправляют в поход старшего сына из своих сыновей. [1.2] **Царевичи же, которые не управляют** (букв. 'ведают') **людьми**, [2] **нойаны десяти тысяч, тысяч, сотен и десятков** и [другие] многочисленные люди, кто бы они ни были, пусть [также] отправляют в поход старшего из своих сыновей. Пусть [3] **царевны** и [4] [императорские] **зятья** таким же образом отправляют в поход старшего из своих сыновей' [ТИМ XII 16b1–17a3].

Здесь мы обнаруживаем следующую иерархию: [1] «царевичи» (*kö'üt*) — [2] *нойаны* (*noyat*) — [3] «царевны» (*ökit*) и [4] зятья (*güriget*), при этом среди царевичей отчетливо выделяются две группы — [1.1] те, кто управляет людьми (*ulus medekün kö'üt*), и [1.2] те, кто не управляет людьми (*ulus ... ülü medekün kö'üt*). Мы видим, что обе базовые категории знати являются структурно неоднородными; они подразделяются на определенные группы, или субкатегории, в зависимости от характера и объема властных полномочий их представителей. Понятно, что среди «царевичей» более высокое положение занимали те, кто имел в своем реальном подчинении зависимых людей, тогда как Чингисиды, не имевшие собственных подданных, должны были обладать несколько более низким статусом. Сходные критерии использовались и при определении статуса *нойана*: он был тем выше, чем больше был объем военно-административной единицы, которую *нойан* возглавлял (от десятка до десяти тысяч)⁸. Также интересно отметить, что в данном примере

в особые категории выделяются «царевны» и «зятья», которые в других контекстах либо включаются в категорию *noyat*, либо получают иную статусную позицию (см. ниже).

Иерархия и субкатегоризация имперской элиты эксплицитно представлены и в описании интронизации Өгөдэй-ка'ана в 1228 г. (§ 269 ТИМ):

(7) *quluqana jil ča'adai batu teri'üten* [1.1] *bara'un qar-un kö'üt otčigin-noyan yegü yisünge teri'üten* [1.2] *jewün qar-un kö'üt tolui teri'üten* [1.3] *qol kö'üt* [2] *ökkit* [3] *güreget* [4] *tümed-ün minqad-un noyat bürin bolju kelüren-ü köde'ü-aral-a güri-iyer quriju čingis-qahan-u nereyidüksen mün jarlig-iyar ögöde-qahan-ni qan ergübe* 'В год мыши (1228) [1.1] **царевичи правой руки** во главе с Ча'адаем и Бату, [1.2] **царевичи левой руки** во главе с Отчигин-нойаном, Йегү и Йисүнгэ, [1.3] **царевичи центра** во главе с Толуем, [2] **царевны** и [3] **зятья**, [4] **нойаны десяти тысяч и тысяч**, все без исключения (букв. 'вообще') собрались в [местности] Көдэ'ү-арал на Кэлүрэне (= Керулене) и по тому самому указу, которым Чингис-кахан назначил [Өгөдэя], возвели Өгөдэй-кахана в ханы [ТИМ XII 13b1–14a2]'.

Структура элиты описана здесь в том же виде, что и в примере (6), однако иерархия статусных категорий несколько иная: [1] «царевичи» (*kö'üt*) — [2] «царевны» (*ökkit*) и [3] зятья (*güriget*) — [4] *нойаны* (*noyat*), то есть «царевны» и зятья помещены выше *нойанов*. Возможные причины статусной вариативности данной группы знати рассматриваются ниже. Среди царевичей в данном примере выделяются три субкатегории (по территориальной принадлежности их владений) — [1.1] «царевичи правой руки», то есть западные (*bara'un qar-un kö'üt*), [1.2] «царевичи левой руки», то есть восточные (*jewün qar-un kö'üt*), и [1.3] «царевичи центра», то есть имеющие владения на территории собственно Монголии (*qol kö'üt*).

Практически те же самые категории и в том же порядке перечисляются в § 280 ТИМ, где речь идет о принятии решений по поводу принципов налогообложения и организации почтовых станций (ямов) на территории империи:

(8) *tendeče ögödei-qahan ügüleriün ča'adai-aqa batu teri'üten* [1.1] *bara'un qar-un kö'üt aqa-nar de'ü-ner bürin otčigin-noyan yegü teri'üten* [1.2] *jewün qar-un aqa-nar de'ü-ner bürin kö'üt qol-un* [2] *ökkit* [3] *güriget* [4] *tümed-ün minqad-un ja'ud-un harbad-un noyat*

büri-yer jöbšiyejü'üi 'Затем Öгөдэй-кахан сказал: «Все старшие и младшие братья, [1.1] **царевичи правой руки** во главе со старшим братом Ча'адам и Бату; все [1.2] **царевичи**, старшие и младшие братья **левой руки** во главе Отчигин-нойаном и Йегү; [2] **царевны** и [3] **зятя** центра; [4] **нойаны десяти тысяч, тысяч, сотен и десятков** все вместе одобрили [следующее]' [ТИМ XII 51b5–52a4].

Любопытно, что каждая группа царевичей здесь характеризуется как «старшие и младшие братья» (или «родственники»: *aqa-nar de'ü-ner*), что подчеркивает горизонтальный, фратерналистский характер родственных связей между потомками Чингис-хана и (в данном случае) его братьев⁹.

В одном из фрагментов стихотворного гимна Махākālī из Турфанской коллекции, написанного знаменитым монгольским ученым и переводчиком Чойджи Одсэром в начале XIV в. (ТМ 6 D 130), мы встречаем еще один вариант иерархического перечня имперских статусов:

(9) *ñjom-un ejen qayan qatun: / nomč'in sayid* [1] *köbegüd* [2] *ökid: / [3] noyad* [4] *kürged bügüde-yi: / nököč'en saqituyai maq-a-gali* :: 'Махākālī, сопровождай и защищай кагана, [который есть] владыка учения, и катун; прекрасных [1] **царевичей** и [2] **царевен**, [которые суть] знатоки учения; [3] **князей** и [4] **зятьев** — всех [их]!' [Turf 1b:37–40].

Порядок перечисления групп знати в данном примере отличается и от того, который засвидетельствован в примере (6), и от того, который приводится в примерах (7)–(8). «Царевны» здесь упоминаются сразу после «царевичей», а «зятья» располагаются вслед за «князьями».

Сопоставляя друг с другом примеры (6)–(9), можно без труда обнаружить некоторую неоднозначность и структурную вариативность в определении статусов таких групп знати, как «царевны» (ср.-монг. *Ökit*¹⁰, докласс. монг. *ökid*) и «зятья» (ср.-монг. *güriget* ~ *güreget*¹¹, докласс. монг. *kürged* ~ *kürüged*). В иерархических перечнях они фигурируют вместе то между «царевичами» и *нойанами* (примеры (7)–(8)), то после *нойанов* (пример (6)); наконец, они могут упоминаться и по отдельности на разных позициях в перечне (пример (9)). На фоне исключительной стабильности статусных категорий *kö'üt* и *noyat* это обстоятельство не может не привлекать к себе внимания и заставляет думать о том, что социальное положение «царевен» и «зятьев» в монгольском обществе

должно было чем-то отличаться от статуса базовых категорий имперской элиты, к каковым относились «царевичи» и «князья». Действительно, имеется целый ряд контекстов, в которых *ökit* и *güriget ~ güreget* описываются как субкатегории *нойанов*, а не как отдельные позиции в имперской иерархии элиты. Так, в китайских источниках по юаньской эпохе (*Юань дяньчжан* 元典章, *Юань ши* 元史) принцы императорского происхождения (*юйвэйся* 御位下 = монг. *kö'üt*) зачастую противопоставляются князьям (*чжуван* 諸王 = монг. *noyat*), царевнам (*гунчжу* 公主 = монг. *ökit*) и императорским зятьям (*фума* 駙馬 = монг. *güriget ~ güreget*), которые с точки зрения своего статуса объединяются в одну социальную категорию (кит. *вэйся* 位下) [Ratchnevsky 1966: 189, Anm. 70; см. также: Farquhar 1990: 59, п. 14]. В некоторых памятниках слово *noyan* выступает гиперонимом для *küregen*, как, например, в выражении *noyan miñu. oločin küregen* ‘мой *нойан*, Олочин-күрэгэн’ из китайско-монгольской билингвы в честь Чжан Инжуя [Chang 21]¹². Согласно ТИМ, сразу после своего провозглашения ханом в 1206 г. Чингис-хан назначает из числа своих соратников 95 *нойанов* тысяч (*minqad-un noyat*), среди которых в самом конце списка названы несколько «зятьев»: *Olar-güregen, Buqa-güregen, Ašiq-güregen, Qadai-güregen, Čigü-güregen, Alči-güregen, Butu-güregen, Alaquš-digit-qurigüregen*¹³ (ТИМ § 202). Чуть ниже в тексте ТИМ (§ 203) сказано, что *нойаны* тысяч были назначены «вместе с зятьями» (*güreget-lu'a niken-e*) [ТИМ VIII 27a5], то есть последние были включены в число получивших эту должность *нойанов*.

По-видимому, статусная амбивалентность «царевен» и «зятьев» была обусловлена двойственным отношением к ним, с одной стороны, как к ближайшим родственникам ка'анов (по крови или по браку), а с другой — как к лицам, которые все-таки не являлись прямыми мужскими потомками Чингис-хана («царевны») или вообще не относились к его потомству («зятья»). Можно сказать, что обе эти группы включали наиболее близких к ка'ану лиц не из числа «царевичей». Формально они должны были причисляться к *нойанам*, но фактически в силу своих родственных связей с правящим домом они обладали особым, довольно высоким статусом, который зачастую приводил к тому, что их выделяли в две самостоятельные катего-

рии и ставили выше обычных *нойанов*¹⁴. Более того, есть любопытные примеры того, что «зятья» могли по своему статусу вообще отождествляться с «царевичами», по крайней мере в каких-то социальных ситуациях (см. [Рыкин 2003: 316–326]). Как сказано в ТИМ (§ 238), когда уйгурский ыдукут Барчук Арт-тегин выразил покорность Чингис-хану и объявил о своем желании служить ему, он сформулировал это следующим образом:

(10) *čingis-qahan soyurqa'asu altan büse-yin qorgid-ača al de'el-ün hürtesün-eče olu'asu dabtu'ar kö'ün činu bolju güčü öksü* 'Если [ты], Чингис-кахан, пожалуешь [меня] и если [я] получу [лишь одно] из колец с твоего золотого пояса, [лишь одну] из ниток с [твоего] ярко-красного халата, я буду служить (букв. 'отдавать силу') [тебе], став твоим пятым сыном' [ТИМ X 12b1-4].

Чингис-хан «в ответ на эти слова, пожаловав [его], отправил [следующее сообщение]: «Я отдам [ему] дочь (*var.*: 'царевну'), и пусть [он] станет [мне] пятым сыном» (*tere üge-tür čingis-qahan soyurqaču qari'u ügülejü ile:rün öki ber ögüye dabtu'ar kö'ün boltuqai*) [ТИМ X 12b4-13a1]. Таким образом, понятия «зять» и «сын», или «царевич» (*kö'ün*), иногда — но не всегда! — приравнивались друг к другу, что еще больше усугубляло статусную неоднозначность положения «зятьев».

Такая же неоднозначность прослеживается в определении статуса еще одной группы представителей знати — братьев Чингис-хана и их потомков. В своей статье, которая упоминалась выше, я без достаточных оснований целиком включил эту группу в число «царевичей», полагая, что по своему положению они должны были стоять наравне с прямыми мужскими потомками основателя империи [Рыкин 2010: 262]. Однако источники рисуют нам более сложную картину. Из всех братьев Чингис-хана они эксплицитно приписывают статус «царевичей» только Джөчи-Касару и его потомству. По свидетельству Рашид ад-Дйна, за заслуги Джөчи-Касара в войне с найманами

(11) Чингиз-хан соизволил его пожаловать и [выделил его] из всех братьев и сыновей братьев, дав ему и его детям, в соответствии с установленным обычаем правом, вытекающим из положения брата и царевича, степень [высокого] сана и звания. И до настоящего времени обычай таков, что уруг Чингиз-хана из всех [своих] дядей и двоюродных братьев сажает в ряду царевичей (= монг. *kö'üt*. — П. Р.)

только уруг Джочи-Касара¹⁵; все же другие сидят в ряду эмиров (= монг. *noyat*. — П. Р.) [РСб I/2 51].

Данные персидского историка, по которым остальные младшие братья Чингис-хана относились к категории *нойанов*, подтверждаются другими источниками. Так, в *Мэнда бэйлу* 蒙韃備錄 ‘Полном описании монголо-татар’ китайского автора Чжао Хуна имеется раздел, озаглавленный *Тайцзы чжуван* 太子諸王 ‘Царевичи и князья’, где речь идет о братьях, сыновьях и дочерях Чингис-хана [Мэн-да бэй-лу 1975: 55–59]. «Царевичами» Чжао Хун определенно именовал сыновей Чингис-хана (ср. [Pelliot 1930b: 34, n. 1]), а титул «князей» (*чжуван* 諸王 = монг. *noyat*) должен был использоваться им по отношению к братьям монгольского завоевателя. Согласно ТИМ, младшие братья Чингис-хана действительно носят титул *нойанов*: *Belgütei-noyan* (§ 112, 190, 191), *Otčigin-noyan* (§ 190, 195, 245 [2], 257, 269, 280). Вместе с тем в примерах (6) и (7), которые представляют собой цитаты из того же памятника, Отчигин (*Otčigin-noyan*) включен в число «царевичей левой руки» (*ǰewün qar-un kö’üt*) наряду с сыновьями Джөчи-Касара Йегү и Йисүнгэ, которые одни по праву могли называться «царевичами»¹⁶. У самого Рашид ад-Дйна при описании интронизации Мөнкэ-ка’ана (1251-1259) к «царевичам левого крыла» отнесены не только потомки Джөчи-Касара, но и сыновья двух других братьев Чингис-хана — Качиуна и Отчигин-нойана¹⁷ [РСб II 131]. Указанная непоследовательность в употреблении терминов *kö’ün* и *noyan* по отношению к братьям Чингис-хана и их потомкам имеет ту же основу, что и статусная вариативность «царевен» и «зятьев»: положение в качестве коллатеральных родственников дома Чингисова давало им особый статус среди представителей знати — статус своего рода промежуточного звена, прослойки между «царевичами» и «князьями». Это и приводило к тому, что в зависимости от обстоятельств их могли причислять то к первым, то к последним, хотя, строго говоря, прототипической для них являлась позиция *нойанов*.

Обобщая сказанное, мы имеем все основания говорить о существовании двух базовых категорий элиты Монгольской империи — «царевичах» (ср.-монг. *kö’üt*) и «князьях» (ср.-монг. *noyat*). Базовый характер этих категорий подтверждается их исключительно широкой дистрибуцией

в письменных памятниках, в том числе их употреблением в таких контекстах, где упоминания о других группах знати отсутствуют (ср. примеры (1)–(5)). О том, что это была правящая элита империи в полном смысле этого слова, свидетельствует широкий набор политических функций, которые источники приписывают «царевичам» и «князьям». Они возводят на престол монгольских ка'анов (пример (7)), участвуют в принятии важных для судеб империи решений (примеры (2), (4) и (8)), оказывают воздействие на ка'ана в его взаимоотношениях с сыном (пример (1)), упоминаются при распределении мест на ханских пирах (пример (5)) и т.п. Вообще, двучленная структура монгольской знати в имперский период хорошо согласовывалась с амбивалентностью политической структуры Монгольской империи в целом, представлявшей собой определенный компромисс между старыми, доимперскими формами организации власти у кочевников и новыми, специфически имперскими институтами, возникшими главным образом под влиянием киданьских, чжурчжэньских, уйгурских и китайских советников при дворе монгольских ка'анов.

Вместе с тем следует еще раз подчеркнуть структурную неоднородность каждой из базовых категорий, наличие в их составе нескольких статусных субкатегорий, таких как «царевичи, которые управляют людьми» vs. «царевичи, которые не управляют людьми» или «царевичи правой руки» vs. «царевичи левой руки» vs. «царевичи центра» для *kö'üt*, «великие *нойаны*» vs. «малые *нойаны*» или «*нойаны* десяти тысяч» vs. «*нойаны* тысяч» vs. «*нойаны* сотен» vs. «*нойаны* десятков» для *noyat* (см. выше, с. 251). Само противопоставление «царевичей» и «князей», вероятно всего, носило не абсолютный, а градуальный характер, образуя своего рода статусный континуум. Двумя полюсами этого континуума выступали названные базовые категории знати, между которыми располагалось некоторое число промежуточных категорий, таких как «царевны» (*ökit*), «зятья» (*güriget ~ güreget*) и братья Чингисхана с их потомством, в зависимости от различных обстоятельств, тяготевших то к одной, то к другой из крайних точек континуума. Таким образом, обе базовые категории представляли собой нечто вроде «размытых множеств» с четко очерченным центром (прототипические «царевичи» — прямые

мужские потомки Чингис-хана; прототипические «князья» — представители старой доимперской племенной знати и новой служилой аристократии, не связанной кровным родством с потомством Чингис-хана) и расплывчатой периферией, которую составляли промежуточные категории с вариативным статусом наподобие тех же «царевен» и «зятьев»

В заключение необходимо отметить, что описанный нами статус двух базовых категорий знати ограничивается периодом существования Монгольской империи. Так, термин *kö'ün* 'царевич' употребляется только в текстах имперской эпохи¹⁸. С начала XV в. он полностью выходит из употребления в этом значении¹⁹ и заменяется термином *tayiji* < *tayji* ~ *taisi* (← кит. *тайцзы* 太子 'наследный принц'), который в эпоху Юань обозначал наследника престола, обычно старшего сына императора (см. [Farquhar 1990: 18; Rybatzki 2006: 370a]; ср. [Kara 1990: 326])²⁰. Что касается термина *noyan*, в доимперскую эпоху так именовались лидеры различных этнополитических образований кочевников²¹, которых в литературе принято называть — на мой взгляд, неудачно — «племенными вождями» [Fletcher 1986: 17] или «родовой аристократией» [Владимирцов 1934: 74]. После объединения Монголии под властью Чингис-хана они были интегрированы в социальную структуру зарождающейся империи на правах низшего слоя политической элиты, над которым была дополнительно надстроена прослойка имперской аристократии *par excellence*, куда входили сыновья и прямые потомки Чингис-хана — «царевичи» (*kö'üt*). В постимперский период статус *нойанов* еще раз сильно меняется: в монгольских источниках конца XVI — начала XVII в. титул *noyan* нередко применяется к представителям ханского рода, то есть потомкам Чингис-хана [Скрынникова 2008: 483–486], что противоречило нормам его употребления в эпоху Монгольской империи. Мы можем говорить о размывании базовых категорий имперской политической элиты, их функциональной перестройке, которая произошла в связи с разрушением социально-политической основы имперских структур власти. Однако вопрос о трансформациях базовых категорий знати после крушения Монгольской империи нуждается в специальном исследовании, которое выходит за рамки обсуждаемой здесь проблематики.

¹ Принятые здесь переводы данных терминов во многом условны ввиду многозначности обоих слов; так, ср.-монг. *kö'ün* ~ *keün* ~ *kewün* ~ *kü'ün* ~ *kü:n* ~ *keü*, докласс. монг. *köbegün* также имело значения ‘сын’, ‘ребенок’, ‘мальчик’, ‘младенец’, ‘раб’ (см. [Porpe 1928: 57; Владимирцов 1934: 99; Pelliot, Hambis 1951: 135; Ligeti 1962: 50; Pelliot 1963: 651; TMEN I № 321; Kałużyński 1978: 124–125; Mostaert, Rachewiltz 1995: 21, 93; Rachewiltz 2004/1: 601; 2004/2: 687, 898, 967, 985; Rybatzki 2006: 531a–532a; Рыкин 2009: 84, таб. 4; 89, таб. 9]), а ср.-монг. *noyan* ~ *noyin* ~ *noin* ~ *nyuan* ~ *nuin*, докласс. монг. *noyan* — значения ‘чиновник’, ‘начальник, командир’, ‘господин’, ‘судья’ см. [Porpe 1928: 73; 1955: 128, 155; Владимирцов 1929: 305–306; 1934: 104; Pelliot 1930a: 259, № 23; Pelliot, Hambis 1951: 178; Cleaves 1959: 67, note 33; Ligeti 1962: 58; 1965: 291, № 40; TMEN I № 389; Kałużyński 1978: 128, 131; Kara 1990: 313; Farquhar 1990: 19–20; Фан Лингуй 1991: 35–37, № 9; Rachewiltz 2004/1: 247; 2004/2: 807–808; Rybatzki 2006: 625b–627b]. Выбранные нами переводы основаны лишь на одном из значений каждого из этих слов — том, которое представляется наиболее релевантным для обсуждаемой проблематики. В источниках имперской эпохи оба слова часто заменяется синонимичными переводными эквивалентами: *kö'ün* = тюрк. *oylan* ~ *oyul*, перс. *pisar* [Boyle 1956: 146, n. 3; TMEN I № 321; II № 498]; *noyan* = тюрк. *bäg*, ар., перс. *amīr* [TMEN II № 828: 399].

² Здесь и далее транскрипция и перевод монгольских памятников, а также выделения в тексте выполнены мной.

³ Имеется в виду Мёнкэ, внук Чингис-хана, будущий монгольский ка'ан (1251–1259) [Rachewiltz 2004/2: 1016].

⁴ Выражение [*k'e'ün*]-*nü'üd noyad* ‘царевичи и князья’ в уйгурской части надписи передано как [*oyul*]-[*ar*] *bägät-lär* ‘id.’ [Rybatzki 2006: 531a].

⁵ Английский перевод А.К. Моула и П. Пелльо, с которого мной сделан русский перевод данного отрывка, основан на самом известном списке сочинения Марко Поло — франко-итальянской рукописи Рустичано Пизанского, с добавлением отсутствующих в ней фрагментов текста из других списков, главным образом из современного автору итальянского перевода (т. н. рукописи Рамузио) и латиноязычной Толедской рукописи, составленной ок. 1400 г. Эти дополнения в тексте выделены курсивом. Русские переводы *Книги о разнообразии мира*, самым известным из которых является перевод И.П. Минаева (1840–1890), опираются главным образом на рукопись Рустичано Пизанского и не учитывают важные и подчас довольно пространственные дополнения, сделанные в других списках. Ср. перевод соответствующего фрагмента И.П. Минаева: «На пиру великий хан за столом сидит вот как: его стол много выше других столов; садится он на северной стороне, лицом на юг; с левой стороны возле него сидит старшая жена, а по правую руку, много ниже, сыновья, племянники и родичи императорского роду; а головы их приходятся у ног великого хана; а прочие

князя садятся за другие столы, еще ниже. Жены рассаживаются точно так же. Жены сыновей великого хана, его племянников и родичей с левой стороны, пониже, а за ними, еще ниже, садятся жены баронов и рыцарей. Всякий знает свое место, где он должен сидеть по порядку, установленному великим ханом» [Марко Поло 2005: 148].

⁶ Об этом слове см.: [Poppe 1928: 76; 1955: 42, 119; Ligeti 1962: 33; TMEN I № 395; Weiers 1969: 199; Kara 1990: 330; Eldengtei, Oyundalai, Asaraltu 1991: 342–343; Mostaert, Rachewiltz 1995: 21; Rachewiltz 2004/1: 223–224; Rybatzki 2006: 20b–21a].

⁷ Монг. *ulus medekün kö'üt*. По-видимому, имеются в виду царевичи, получившие под свое управление отдельные группы населения, объединенного под властью монгольского ка'ана и обозначавшегося понятием «великий монгольский народ» (*yeke mongqol ulus*). Не исключено, что в данном контексте термин *ulus*, который в ранний период истории монголов имел значение 'люди, народ' и относился к одной из социальных категорий кочевого населения (см. [Рыкин 2004: 7–10]), употребляется уже с некоторыми территориальными коннотациями, характерными для него в ряде памятников имперского и постимперского периода. Любопытное обсуждение термина *ulus* применительно к раннему периоду истории Монгольской империи см. в статье [Jackson 1999].

⁸ В источниках встречаются и другие указания на статусную неоднородность категории *нойанов*, наличие в ее составе нескольких иерархических подгрупп. В китайско-монгольских документах из *Xuyao uoyi* 華夷譯語 мы встречаем выражение *yeke ücügēt tabun ja'un niken noyanli'ut*, букв. 'пятьсот один великий и малый *нойан*' [НУ 3:17b3-4]. (О форме *noyanli'ut* = докласс. монг. *noyaliyud* см. [Cleaves 1950: 126, n. 249; Rachewiltz 1982: 62, n. 73; Mostaert, Rachewiltz 1995: 100; Rybatzki 2006: 625a].) В ТИМ (§ 197) также встречается словосочетание *yeke noyan*, букв. 'великий *нойан*', глоссированное как 大官人 *да гуаньжэнь* 'высокопоставленный чиновник' [ТИМ VII 47a4]. Ср. термин **ekä noin* 'великий князь' у Киракоса Гандзакеци [Ligeti 1965: 291–292, № 41], а также употребляемые Рашид ад-Дином персидские эквиваленты этого монгольского термина — «великий эмир» (см., например [РСб I/1 94, 95, 96, 99, 107, 172, 187]) и «старший эмир» (см., например [РСб I/1 117, 121, 125, 134, 145, 161, 163, 168, 169, 170, 171, 174, 177, 178, 183, 185, 186, 189, 192, 195]). По-видимому, именно критерии относительной знатности происхождения и объема властных полномочий лежали в основе подобного рода иерархической стратификации *нойанов*, насколько можно судить, в частности, по выражению *uᠵayur-dan noyad* 'нойаны, обладающие [высоким] происхождением' из китайско-монгольской билингвы в честь Чжан Инжуя [Chang 7].

⁹ Ср. письмо ильхана Öldжэйтү Филиппу Красивому, где монгольские ханы, представители различных ветвей дома Чингисова, называют друг друга *aqa degü* 'старшие и младшие братья' [Öj] 27].

¹⁰ Ед. ч. *ökin* ~ *öki* ~ *ökün* ~ *ögin* ~ *ügin* ~ *hökin* ‘девушка’, ‘девушка’, ‘девушка’, ‘дочь’, ‘царевна’. Об этом слове см. [Poppe 1927: 1260; 1955: 57, 75, 146; Ligeti 1962: 60; TMEN I № 48; Kałużyński 1978: 124–125; Kara 1990: 314; Rybatzki 2006: 77a-b; Рыкин 2009: 84, таб. 4; 89, таб. 9].

¹¹ Ед. ч. *gürigen* ~ *güregen* ~ *kürigen* ~ *küreken* ~ *kürigen* ~ *küregen* ‘зять, муж дочери’, ‘зять, муж сестры (старшей или младшей)’, ‘женых’, титул, присваивавшийся зятю монгольского ка’ана или хана. Об этом слове см. [Mostaert, Cleaves 1952: 474; Poppe 1928: 67; 1955: 140; Poucha 1956: 53; Ligeti 1962: 52; TMEN I № 340; Kałużyński 1978: 125; Рона-Таш 1986: 136; Kara 1990: 307; Rachewiltz 2004/1: 335–336; Rybatzki 2006: 569b–570a; Рыкин 2009: 86, таб. 5; 89, таб. 9].

¹² Ср. также: *oločin noyan küregen boluysan-tur* ‘Когда Олочин-нойан стал [императорским] зятем...’ [Chang 51]. Следует упомянуть также выражение *umarāyi kūrḡān* букв. ‘зятья-эмиры’, которое встречается у Рашид ад-Дйна (см. [TMEN I № 340: 476]).

¹³ Об этих лицах см. [Rachewiltz 2004/2: 764–765].

¹⁴ Ср. у Г. Дёрфера: «Императорские зятья образовывали особую группу среди эмиров (*нойанов*. — П. Р.) и, по-видимому, имели довольно высокий ранг» [TMEN I № 340: 476].

¹⁵ Основываясь на этих данных, В.В. Бартольд писал: «Вообще из потомства братьев Чингиз-хана только потомки Джучи-Хасара получили права царевичей; остальные вошли в состав аристократии» [Бартольд 1963: 451]. Ср. цитируемый Г. Дёрфером персидский источник середины XIV в., где один из потомков Джочи-Касара назван «царевичем» (*ke’ün*) [TMEN I № 321: 456].

¹⁶ В связи с этим И. де Рахевильц замечает, что титул *noyan* «часто давался братьям и мужским потомкам хана как высокопоставленным персонажам и в данном случае был эквивалентен ‘царевичу’ (*kö’ün*)» [Rachewiltz 2004/2: 687]. Но это замечание не вполне верно, так как мужские потомки монгольских ка’анов в источниках имперского периода никогда не именуется *нойанами*. Единственное исключение составляет титул «великого князя» в его монгольской (*yeke noyan*) или тюрко-монгольской (*ulur noyan*) форме, который регулярно применяется к Толую, младшему сыну Чингис-хана (см. [Бартольд 1968: 158; Boyle 1956: 146–148]). Так, Рашид ад-Дйн сообщает о Толуе, что его «прозвищами [лакаб]... были Екэ-нойон и Улуг-нойон» [РСБ 1/2 69]. Однако, как показал Дж. Э. Бойл, в данном случае имеется в виду не прижизненное, а посмертное обозначение Толуя, призванное заменить в употреблении его табуированное имя [Boyle 1956: 146–148]. Таким образом, термин *noyan* здесь, вероятнее всего, использовался в своем абстрактном значении ‘господин’ (см. примеч. 1), а не как название одной из базовых категорий монгольской элиты.

¹⁷ В данном случае он ошибочно назван «Отачи-нойон».

¹⁸ Отдельные употребления этого термина в ТИМ применительно к доимперской эпохе (например, *činos-un kö’üd* ‘царевичи чиносов’ [IV 4b5]) являются безусловными анахронизмами.

¹⁹ Хронологически последние из известных нам употреблений термина *kö'ün* в качестве титула представителей знати встречаются в китайско-монгольском словаре *Хуаи шуй* 華夷譯語 (1389), составленном через двадцать лет после свержения династии Юань [НУ 2:05а3, 3:11b4]. Об этих употреблениях см. [Mostaert, Rachewiltz 1995: 21, 93].

²⁰ Утверждение Б.Я. Владимирцова, по которому потомки Чингис-хана «еще во времена Юаньской династии стали именоваться уже не *köbegün*, а *taiiji*» [Владимирцов 1934: 142], является неверным, так же как и мнение ученых из Внутренней Монголии о том, что в эпоху Юань появился некий запрет называть царевичей словом *köbegün*, ввиду чего их якобы и стали называть *taiiji* [Eldengtei, Oyundalai, Asaraltu 1991: 373–374]. Ср. выше (с. 248) об одновременном употреблении обоих терминов (*k'e'ün*-*nü'üd* и *t'ayjhi*) в тексте юаньского периода, где они семантически противопоставлены друг другу как обозначение потомков Чингис-хана в целом специальному термину для наследника престола.

²¹ Ср. засвидетельствованные в ТИМ выражения *qori-tumad-un noyan qorilartai-mergen* ‘Корилартай-мэргэн, *нойан* кори-туматов’ [I 5a4-5], *tayici'ud-un noyan tarqutai-kiriltuq* ‘Таркутай-Кирилтук, *нойан* тайчи’утов’ [V 1b4], *kirgisüd-ün noyat yedi-inal aldi-er örebek-digin* ‘*нойаны* кыргызов Йеди-Инал, Алди-Эр, Орэбэк-дигин’ [X 14b5-15a1], *tumat irgen-ü noyan daiduqul-soqor* ‘*нойан* туматского народа Дайдукул-Сокор’ [X 17b4], *hoi-yin irgen-ü noyad* ‘*нойаны* лесных народов’ [X 15b1-2].

Бартольд В.В. 1963. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В.В. Сочинения. М. Т. 1. С. 43–597.

Бартольд В.В. 1968. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В.В. Сочинения. М. Т. 5. С. 17–192.

Владимирцов Б.Я. 1929. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: Введение и фонетика. Л. (Ленинградский Восточный ин-т им. А.С. Енукидзе; 33).

Владимирцов Б.Я. 1934. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л.

Жанчив Ё. 2002. Дөрвөлжин үсгийн монгол дурсгал (Эх, үсгийн галиг, хөрвүүлэг, үгийн хэлхээ, номзүй) (= Монгольские памятники квадратной письменности [Тексты, транслитерация, перевод, глоссарий, библиография]). Улаанбаатар. (Monumenta Mongolica / National University of Mongolia: Centre for Mongol Studies; Т. 3).

Жанчив Ё., Бямбацэнд Ц. 2003. Нангиад монгол «Хуа-и И-юй» толь «華夷譯語» (= Китайско-монгольский словарь *Хуаи шуй*). Улаанбаатар.

Марко Поло. 2005. Книга о разнообразии мира. М.

Мэн-да бэй-лу 1975 («Полное описание монголо-татар») / пер. с кит., введ., коммент. и прилож. Н.Ц. Мункуева. М.

Понте Н.Н. 1941. Квадратная письменность. М.; Л. (Тр. Ин-т востоковедения АН СССР; Т. 21: История монгольской письменности; 1).

Рона-Таш А. 1986. Языковое влияние Монгольской империи XIII–XIV вв. // Олон улсын монголч эрдэмтний IV их хурал (= IV Международный конгресс монголоведов). Улаанбаатар. Б. 3. С. 133–138.

Рыкин П.О. 2003. Монгольская концепция родства как фактор отношений с русскими князьями: социальные практики и культурный контекст // *Mongolica*–VI. СПб. С. 28–38.

Рыкин П.О. 2004. Монгольская средневековая концепция общества: некоторые ключевые понятия (по материалам «Тайной истории монголов» и других среднемонгольских текстов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.

Рыкин П.О. Семантический анализ терминов родства и свойства в среднемонгольском языке // Вопросы филологии. Серия Урало-алтайские исследования. 2009. № 1 (1). С. 80–91.

Рыкин П.О. 2010. Концепция смерти и погребальная обрядность у средневековых монголов (по данным письменных источников) // От бытия к инобытию: Фольклор и погребальный ритуал в традиционных культурах Сибири и Америки / отв. ред. Ю.Е. Березкин, Л.Р. Павлинская. СПб. С. 239–301.

Скрынникова Т.Д. 2008. Политическая организация Халхи XVI–XVII вв. // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ. Кн. 3. С. 463–497.

Төмөртоого Д. 2002а. Монгол дөрвөлжин үсэгийн дурасхалын судалгаа: Удирдхал, эх бичиг, үгсийн хэлхээ, ном зүй (= Исследование монгольских памятников квадратной письменности: Введение, тексты, индекс, библиография). Улаанбаатар. (*Monuments in Mongolian Language: The International Association for Mongol Studies; Vol. 2*).

Төмөртоого Д. 2002б. Араб үсэгийн монгол дурасхалын судалгаа: Удирдхал, үгсийн харьцуулсан толь, ном зүй (= Исследование монгольских памятников арабской письменности: Введение, сравнительный индекс, библиография). Улаанбаатар. (*Monuments in Mongolian Language: The International Association for Mongol Studies; Vol. 3*).

Фан Линсуй. 1991. Юань Мин сицой чжун дэ мэньгуйюй (= Монгольские слова в юаньских и минских драмах). Шанхай.

Хугэцзилэту, Сажула. 2004. Басыбацзы мэньгуйюй вэньсянь хуйбянь (= Сборник памятников монгольского языка на квадратном письме). Хухэ-Хаотэ. (*A Series of Books for Altaic Studies*).

Чжан Синтан. 1975. Юаньчао биши саньчжун (= Три разновидности *Тайной истории династии Юань*). Киото. (Вэйсинь шуцзюй иньсин).

Чжаонасыту (Junast). 1991. Басыбацзы хэ мэньгуй вэньсянь (= Квадратная письменность и памятники монгольского языка). Токуо. Vol. 2: Вэньсянь хуйцзи (= Памятники).

Юаньчао биши 1936. (= Тайная история династии Юань). Шанхай. (Сыбу цункань саньбянь шибу).

Boyle J.A. On the Titles Given in Juvainī to Certain Mongolian Princes // HJAS. 1956. Vol. 19, № 1/2. P. 146–154.

Cerensodnom D., Taube M. 1993. Die Mongolica der Berliner Turfansammlung. Berlin. (Berliner Turfantexte; 16).

Cleaves F.W. 1950. The Sino-Mongolian Inscription of 1335 in Memory of Chang Ying-jui // HJAS. Vol. 13. № 1/2. P. 1–131 + 35 pl.

Cleaves F.W. 1959. An Early Mongolian Version of the Alexander Romance // HJAS. Vol. 22. P. 1–99 + 8 pl.

Dobu. 1983. Uyǰurǰin mongǰol üsüg-ün durasqaltu bičig-üd (= Памятники уйгуро-монгольской письменности). Begeǰing.

Eldengtei, Oyundalai, Asaraltu. 1991. «Mongol-un niyüča tobčiyān»-u ĵarim üges-ün tayilburi (= Толкование некоторых слов из «Тайной истории монголов»). Begeǰing.

Farquhar D.M. 1990. The Government of China under Mongolian Rule: A Reference Guide. Stuttgart. (Münchener Ostasiatische Studien; Bd. 53).

Fletcher J. 1986. The Mongols: Ecological and Social Perspectives // HJAS. Vol. 46, № 1. P. 11–50.

Haenisch E. 1949. Zu den Briefen der mongolischen Il-khane Arǰun und Ölǰeitü an den König Philipp den Schönen von Frankreich (1289 u. 1305) // Oriens. Vol. 2, № 2. S. 216–235.

Haenisch E. 1952. Sino-mongolische Dokumente vom Ende des 14. Jahrhunderts. Berlin. (Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin: Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst; № 4).

Haenisch E. 1957. Sinomongolische Glossare. Berlin. Bd. 1: Das Hua-I ih-yü. (Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin: Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst; № 5).

Haenisch E. 1959. Mongolica der Berliner Turfan-Sammlung. Berlin. Bd. 2: Mongolische Texte der Berliner Turfan-Sammlung in Faksimile. (Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin: Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst; № 1).

Jackson P. 1999. From *Ulus* to Khanate: The Making of the Mongol States, c. 1220 — c. 1290 // The Mongol Empire and its Legacy / ed. by R. Amitai-Preiss, D.O. Morgan. Leiden. P. 12–38.

Kalużyński S. 1978. Tytulatura mongolska w “Tajnej historii Mongolów” // Przegląd Orientalistyczny. № 2 (106). S. 123–134.

Kara G. 1990. *Zhiyuan yiyu*: Index alphabétique des mots mongols // AOH. T. 44. Fasc. 3. P. 279–344.

Kotwicz W. 1953. En marge des lettres des il-khans de Perse retrouvées par Abel-Rémusat // *Rocznik Orientalistyczny*. T. 16. P. 369–404.

Kuribayashi H. 2003. Word- and Suffix-Index to Hua-yi Yi-yü, based on the Romanized Transcription of L. Ligeti. Sendai. (CNEAS Monograph Series; № 10).

Lewicki M. 1937. Les inscriptions mongoles inédites en écriture carrée. Wilno. (Collectanea Orientalia; № 12).

Lewicki M. 1949. La langue mongole des transcriptions chinoises du XIVe siècle: Le Houa-yi yi-yu de 1389: Édition critique précédée des observations philologiques et accompagnée de la reproduction photographique du texte. Wrocław. (Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego; Ser. A, № 29).

Lewicki M. 1959. La langue mongole des transcriptions chinoises du XIVe siècle: Le Houa-yi yi-yu de 1389. Wrocław. Vol. 2: Vocabulaire-index. (Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego; Ser. A, № 60).

Ligeti L. 1962. Un vocabulaire mongol d'Istanbul // *AOH*. T. 14. Fasc. 1. P. 3–99.

Ligeti L. 1965. Le lexique mongol de Kirakos de Gandzak // *AOH*. T. 18. Fasc. 3. P. 241–297.

Ligeti L. 1972a. Monuments préclassiques: 1. XIIIe et XIVe siècles. Budapest. (Monumenta linguae mongolicae collecta; 2).

Ligeti L. 1972b. Monuments en écriture 'phags-pa. Pièces de chancellerie en transcription chinoise. Budapest. (Monumenta linguae mongolicae collecta; 3).

Manduqu Ö. 1995. Mongyol I iui toli bičig (= Монгольские словари Июй). Begejing. (Mongyol tulγur bičig-un čubural).

Manduqu Ö. 1998. Quva i I iui, 華夷譯語 (= *Xyau uoiŋ*). Qayilar.

Mostaert A., Cleaves F.W. 1952. Trois documents mongols des Archives secrètes vaticanes // *HJAS*. Vol. 15, № 3/4. P. 419–506 + 8 pl.

Mostaert A., Cleaves F.W. 1962. Les Lettres de 1289 et 1305 des ilkhan Aryun et Öljeitü à Philippe le Bel. Cambridge MA. (Harvard-Yenching Institute: Scripta Mongolica Monograph Series; 1).

Mostaert A. (ed. *Rachewiltz I. de*). 1977. Le matériel mongol du Houa i i iu 華夷譯語 de Houg-ou / Ed. par I. de Rachewiltz, avec l'assistance de A. Schönbaum. Bruxelles. T. 1. (Mélanges Chinois et Bouddhiques; Vol. 18).

Mostaert A., Rachewiltz I. de. 1995. Le matériel mongol du Houa i i iu 華夷譯語 de Houg-ou. Bruxelles. T. 2: Commentaires. (Mélanges Chinois et Bouddhiques; Vol. 27).

Moule A.C., Pelliot P. 1938. Marco Polo: The Description of the World. L. Vol. 1–2.

Pelliot P. 1930a. Les mots mongols dans le 高麗史 *Korye sä* // *Journal Asiatique*. T. 217. P. 253–266.

Pelliot P. 1930b. Notes sur le “Turkestan” de M.W. Barthold // T’oung Pao. Vol. 27, livr. 1. P. 12–56.

Pelliot P. 1963. Notes on Marco Polo. P. Vol. 2.

[*Pelliot, Hambis* 1951] — Histoire des campagnes de Gengis-khan, *Cheng-wou ts’in-tcheng lou* / Traduit et annoté par P. Pelliot et L. Hambis. Leiden. T. 1.

Poppe N. 1927. Das mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift // Известия Академии наук СССР. № 12/14. S. 1009–1040; № 15/17. S. 1251–1274.

Poppe N. 1928. Das mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift // Известия Академии наук СССР. № 1. S. 55–80.

Poppe N. 1955. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne; 110).

Poucha P. 1956. Die Geheime Geschichte der Mongolen als Geschichtsquelle und Literaturdenkmal: Ein Beitrag zu ihrer Erklärung. Prag. (Archiv Orientální: Supplementa; 4).

Rachewiltz I. de. 1982. The Preclassical Mongolian Version of the Hsiao-Ching (In Memoriam A. Mostaert, 1881–1971) // Zentralasiatische Studien. Bd. 16. P. 7–109.

[*Rachewiltz* 2004] — The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century / Transl. with a Historical and Philological Commentary by I. de Rachewiltz. Leiden; Boston. Vol. 1–2. (Brill’s Inner Asian library; Vol. 7/1-2).

Ratchnevsky P. 1966. Zum Ausdruck “t’ouhsia” in der Mongolenzeit // Collectanea Mongolica: Festschrift für Professor Dr. Rintchen zum 60. Geburtstag / hrsg. von W. Heissig. Wiesbaden. S. 173–191 (Asiatische Forschungen; Bd. 17).

Rybatzki V. 2006. Die Personennamen und Titel der mittel-mongolischen Dokumente: Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki. (Publications of the Institute for Asian and African Studies; 8).

[*Tumurtogoo* 2006] — Mongolian Monuments in Uighur-Mongolian Script (XIII–XVI Centuries): Introduction, Transcription and Bibliography / ed. by D. Tumurtogoo; With the Collaboration of G. Cecegdari. Taipei. (Language and Linguistics Monograph Series A-11).

Weiers M. 1969. Untersuchungen zu einer historischen Grammatik des präklassischen Schriftmongolisch. Wiesbaden. (Asiatische Forschungen; Bd. 28).

Список сокращений

РСб — *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1, кн. 1; кн. 2; 1960. Т. 2.

ТИМ — *Тайная история монголов* (сер. XIII в.) [Юаньчао биши 1936; Чжан Синтан 1975: 1–308].

АОН — Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
Chang — китайско-монгольская билингва в честь Чжан Инжуя (1335) [Cleaves 1950; Ligeti 1972a: 36–50; Dobu 1983: 212–268; Tumurtogoo 2006: 15–20].

HJAS — Harvard Journal of Asiatic Studies. Cambridge (MA).

НУ — китайско-монгольский словарь *Xuani shou* 華夷譯語 Хо Юаньцзе и Машаихэй (1389) [Lewicki 1949; 1959; Haenisch 1952; 1957; Ligeti 1972b: 129–166; Mostaert, Rachewiltz 1977; 1995; Manduqu 1995: 151–275; 1998; Kuribayashi 2003; Жанчив, Бямбацэнд 2003].

Öj — письмо ильхана Öldжэйтү французскому королю Филиппу Красивому (1305) [Haenisch 1949; Mostaert, Cleaves 1962; Kotwicz 1953; Ligeti 1972a: 252–255; Dobu 1983: 63–77; Tumurtogoo 2006: 156–157].

Ph XL — большая Цзюйюангуаньская надпись на квадратном письме (1345) [Lewicki 1937: 49–51, 53–55, 57–60; Поппе 1941: 86–91; Ligeti 1972b: 87–92, 94–97; Чжаонасыту 1991: 163–179; Жанчив 2002: 118–128; Төмөртоого 2002a: 61–63; Хугэцилэту, Сажула 2004: 435–452].

TMEN — *Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen: Unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit.* Wiesbaden, 1963–1975. Bd. 1–4.

Turf 1b — фрагмент стихотворного гимна Махākālī на уйгуро-монгольском письме из Турфанской коллекции (нач. XIV в.) [Haenisch 1959: 14–15 (TM 6 D 130); Ligeti 1972a: 137–139; Ceren-sodnom, Taube 1993: 117–119, Taf. X–XII; Tumurtogoo 2006: 79–81].